

Georgy Ivanovich groaned loudly, his pale lips stretched tight, his eyes slightly open. Avoiding his knees, Fomin walked around the desk. Georgy Ivanovich's flat behind hung over the open sample album. Fomin reached for the neatly done book, but Georgy Ivanovich turned his angry face toward him: "Don't touch, don't touch, you smart aleck." Fomin moved back toward the wall. Georgy Ivanovich let out some gas. His hairless behind rocked. Between his buttocks something brown appeared, growing quickly and getting longer. Fomin gulped convulsively, turned away from the wall, and reached with his hands for the sample album, shielding it from the brown sausage. A small piece of the sausage broke off and fell into his hands. A second came out after it, a bit thinner, lighter. Fomin caught it the same way. Georgy Ivanovich's white, short organ swayed, a wide yellow stream spurted out of it and moved over the desk in a broken stream. Georgy Ivanovich again let out some gas. Groaning, he forced out a third portion. Fomin caught it. Urine began dripping from the table onto the floor. Georgy Ivanovich reached and grabbed several satiny sheets of note paper from a small box on the desk, wiped his behind with them, threw them on the floor and straightened up, grabbing his dropped pants with his hands. Fomin stood behind him, holding the warm excrement in his hands. Georgy Ivanovich pulled up his trousers and looked back vacantly at Fomin.

"Well there . . . but why are you . . ."

Konkova disappeared. Fomin glanced at the closed door, then quickly bent down and was about to thrust both hands with the excrement under his desk, but a car horn sounded a long beep. Fomin straightened up and ran to the window. A black "Chaika" and two black "Volgas" were parked by the *raikom* committee entrance. Georgy Ivanovich was going down some granite steps toward them, surrounded by the *raikom* workers. Yakushev was saying something, gesticulating happily. Georgy Ivanovich was nodding, smiling. The "Chaika" turned around and driving up, stopped opposite the staircase. Fomin watched with his forehead pressed against the cool glass. His hands holding the excrement separated a bit, and one of the brown sausages fell off and plopped on the tip of his shoe.

Сорокин, «Проездом»

Он положил раскрытый макет на стол, быстро скинул пиджак, кинул на кресло. Потом медленно влез на стол, встал и выпрямился. Удивленно улыбаясь, Фомин смотрел на него. Георгий Иванович расстегнул брюки, спустил их, спустил трусы и, оглянувшись на макет, сел на корточки. Сцепил сухопалые руки перед собой. Открыв рот, Фомин смотрел на него. Георгий Иванович снова оглянулся назад, неловко переступил согнутыми ногами и, замерев, закричал, сосредоточенно глядя мимо Фомина. Бледный Фомин попятился было к двери, но Георгий Иванович проговорил сдавленным голосом: «Вот... сами...» Фомин осторожно подошел к столу, растерянно поднял руки:

— Георгий Иванович, ну как же... зачем... я не понимаю...

Георгий Иванович громко закричал, бескровные губы его растянулись, глаза приоткрылись. Сторонясь его колена, Фомин обошел стол. Плоский зад Георгия Ивановича нависал над раскрытым макетом. Фомин потянулся к аккуратной книжке, Георгий Иванович повернул к нему злое лицо: «Не трожь, не трожь, ишь умник». Фомин отошел к стенке. Георгий Иванович выпустил газы. Безволосый зад его качнулся. Между худосочными ягодицами показалось коричневое, стало быстро расти и удлиняться. Фомин судорожно сглотнул, отогнулся от стены, протянул руки над макетом альбома, заслоняя его от коричневой колбасы. Колбаска оторвалась и упала ему в руки. Вслед за ней вылезла другая, потоньше, посветлее. Фомин так же принял ее. Короткий белый член Георгия Ивановича качнулся, из него ударила широкая желтая струя, прерывисто прошлась по столу. Георгий Иванович снова выпустил газы. Крича, выдавил третью порцию. Фомин поймал ее. Моча закапала со стола на пол. Георгий Иванович протянул руки, вытащил из стоящей на столе коробочки несколько листов атласной пометочной бумаги, вытер ими зад, швырнул на пол и выпрямился, лоя руками спущенные брюки. Фомин стоял сзади, держа теплый кал на ладонях. Георгий Иванович надел брюки, рассеянно оглянулся на Фомина.

— Ну вот... а что же ты...

Конькова скрылась. Фомин посмотрел на закрывшуюся дверь, потом быстро наклонился, сунул было руки с калом под стол, но за окном раздался долгий автомобильный гудок. Фомин выпрямился, подбежал к окну. Возле райкомовского подъезда стояла черная «Чайка» и две черные «Волги». По гранитным ступенькам к ним спускался в окружении райкомовских работников Георгий Иванович. Якушев что-то говорил, радостно жестикулируя. Георгий Иванович кивал, улыбался. «Чайка» развернулась и, подкатив, остановилась напротив лестницы. Фомин наблюдал, прижавшись лбом к прохладному стеклу. Держащие кал ладони слегка разошлись, одна из коричневых колбасок отвалилась и шлепнулась на носок его ботинка.